

Общие проблемы политической концептологии

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАМЕЩЕНИЕ
И КРИЗИСЫ КАПИТАЛИЗМА:
ВЫХОДЫ И ТУПИКИ**

Р. Коллинз

Университет Пенсильвании (США)

Пленарный доклад к столетию Sociological Review Conference, Биллесли Мэнор, Великобритания, июнь 2009

Нынешний мировой экономический кризис должен напомнить нам о Марксе. Однако это лишь интеллектуальный призыв, а не воззвание к очередной мобилизации старых партийных организаций. Марксизм как политическая деятельность пережил свои взлеты и падения, и я не предлагаю вернуться к эпохе идеологических баталий и фракционных сражений, - напротив, я буду говорить о марксизме не как о практике, а как об интеллектуальной инструментари, который нам, социологам, сейчас чрезвычайно необходим.

Я не претендую на чистоту или аутентичность своего понимания Маркса. Если в сегодняшней социологии и есть какие-либо убеждения, то это убежденность в том, что для исследования выбранных нами аспектов мирового целого требуются множественность процессов, множественность причин и множественность парадигм. В некотором важном смысле над Марксом в социологии взял верх Вебер, так что теперь все мы говорим о взаимопроникновении класса, политики, культуры, а также гендера. Тем не менее существуют такие моменты, когда в проблемном поле оказывается ключевой аспект долговременных структурных изменений, в первую очередь проблема структурного кризиса. Вопреки пресловутым полидисциплинарности (multi-disciplinarity) и торжеству интеллектуального плюрализма, именно здесь тот случай, когда мне представляется, что в объяснении механизмов кризиса и направления особо длительного (very long-term) структурного изменения одна теоретическая линия оказывается гораздо предпочтительнее (head and shoulders) других. Теория, которую я намерен предпочесть всем прочим, - это, если можно так выразиться, «обнаженная» версия марксизма, та фундаментальная догадка, которую сформулировали Маркс и Энгельс уже в 1840-х годах. Речь идет о ключевом механизме, который я буду называть технологическим замещением.

На самом деле это и есть марксизм в чистом виде – ни трудовой теории стоимости, ни указаний на отделение труда от средств производства, ни отчуж-

дения от человеческого бытия. Этот вариант марксизма не содержит каких-либо онтологических претензий и не обещает никакого серьезного освобождения в конце кризиса. Таким образом, я сорвал с марксизма все одежды, и в итоге осталась лишь теория длительного экономического кризиса, хотя для объяснения того, что произойдет в ответ на кризис, а также его политических и социальных последствий нам понадобятся другие направления социологии. Кроме того, данная версия марксизма не является теорией захвата государства в результате экономического кризиса, то есть теорией революции как таковой, хотя в конце я буду говорить о том, что социологам уже известно о причинах революций. Несмотря на то, что излагаемая здесь теория имеет также определенные последствия для будущего социалистической доктрины, она не является теорией социализма или же чем-то, что в будущем заставит социализм заработать лучше, чем раньше. Итак, это прежде всего теория кризиса.

Технологическое замещение представляет собой механизм, с помощью которого инновации в оборудовании и организации процессов экономят трудовые ресурсы, тем самым позволяя меньшему количеству работников производить больше продукции по меньшей цене. Маркс и Энгельс доказали, что в процессе взаимной конкуренции капиталисты стремятся увеличить прибыль и те, кому это не удастся, должны уйти с рынка. Однако по мере того, как машины замещают рабочих, растет безработица и падает потребительский спрос. Технология сулит изобилие товаров, но произведенный продукт оказывается невозможным продать, поскольку слишком мало людей имеют достаточно средств, чтобы его купить. Экстраполируя в будущее эту основополагающую структурную тенденцию, Маркс и Энгельс предсказали крах капитализма и приход ему на смену социализма.

Почему же этого не случилось за 160 лет с тех пор, как была сформулирована данная теория? Как хорошо известно, социалистические режимы приходили к власти вовсе не на волне кризисов капиталистической экономики – и падение этих режимов фактически также не было сопряжено с такими кризисами. Моя точка зрения заключается в том, что окончательный крах капитализма не произошел именно благодаря технологическому замещению. Маркс и Энгельс сфокусировали внимание на вытеснении машинами труда рабочего класса, однако они не предвидели подъем мощного среднего класса «белых воротничков» - административных и офисных работников и образованных профессионалов. Но именно поэтому я утверждаю, что сегодня кризис технологического замещения возвращается. Если до 1980-х или 90-х механизация главным образом замещала ручной труд, то в последней технологической волне мы наблюдаем вытеснение уже управленческого труда, сокращение среднего класса. Информационные технологии – это технологии коммуникаций, которые запустили вторую великую волну сокращения труда, на сей раз технологическому замещению подвергается коммуникативный труд, то есть труд работников среднего класса. К механизации теперь добавились роботизация и электронизация – неловкий и неуклюжий термин, который нужно добавить набору других столь же нескладных понятий,

описывающих неоднозначные социальные процессы, которые диктуют наше будущее в долгосрочной перспективе.

Пока рабочий класс сокращался посредством механизации, капитализму удавалось выживать благодаря подъему среднего класса. Теперь же компьютеризация, Интернет и нашествие новых микроэлектронных приборов начинают вытеснять на обочину средний класс. Сможет ли капитализм пережить эту вторую волну технологического замещения?

В прошлом существовало пять основных путей выхода капитализма из кризиса технологического замещения. Далее я покажу, что сейчас все они оказываются заблокированными, то есть превращаются в тупики.

Выход 1. Новые технологии создают новые рабочие места и целые сферы новых видов трудовой деятельности. Долгое время пессимизм по поводу новых технологий считался напрасным и неверным умонастроением. Луддиты, которые в 1811 году разрушали машины, уничтожавшие труд ремесленников, не видели, что на смену старым производственным отношениям идет фабричная система, благодаря которой широко распространится индустриальное производство, а численность заводских рабочих будет увеличиваться в течение более чем ста лет. Теория развития (девелопментализм), сформулированная в середине XX века, полагает, что естественной тенденцией развития экономики является ее движение через стадии первичного, вторичного и третичного трудового секторов, т.е. добывающей, обрабатывающей и административной (сервисной) деятельности. Однако данная теория была лишь эмпирическим обобщением на материале отдельного отрезка истории, так что нет гарантий, что этот процесс будет продолжаться вечно.

Шумпетер, лучший теоретик капиталистических инноваций, сформулировал концепцию, согласно которой новые продукты – и, соответственно, основные источники дохода – появляются на рынке в результате реорганизации факторов производства в новые комбинации; последнее всегда предполагает то, что Шумпетер называет «созидательным разрушением». Тем не менее вдохновленные Шумпетером экономисты слишком полагаются на простую экстраполяцию прошлых трендов для доказательства того, что множество рабочих мест, созданных для производства новых продуктов, восполнит рабочие места, утраченные при разрушении старых рынков.

Ни одна из подобных теорий не принимает в расчет технологическое замещение коммуникативного труда, который в прошлом был своего рода выпускным клапаном, обеспечившим новую работу тем, кто потерял прежнюю. Утверждалось, что когда автоматизированные и компьютеризированные системы придут на смену телефонным операторам и делопроизводителям, то последние перекавалифицируются в софтверных разработчиков, специалистов по компьютерной технике и продавцов мобильных телефонов. Однако никто так и не сформулировал сколько-нибудь убедительный теоретический аргумент, почему в обоих случаях количество рабочих мест должно быть одинаковым, и в еще меньшей степени – почему автоматизация указанных типов технических и коммуни-

кативных задач (например, с помощью онлайн-торговли) не сможет снизить численность «белых воротничков». На данный момент технологическое замещение среднего класса все еще находится на ранней стадии – в целом этот процесс начался не ранее 20 лет назад, в то время как разрушение рабочего класса как значимой социальной группы заняло 120 лет, однако я не уверен, что на разрушение среднего класса потребуется примерно столько же.

Выход 2. Географическое расширение рынков. Мы склонны осмыслять этот процесс как глобализацию, однако последняя есть лишь количественный показатель интенсивности процессов, но не качественное различие в сути происходящего. Рост рынков происходил даже в жестких рамках государственных границ, распространяясь в направлении регионов, где некий продукт был изначально неизвестен – тем самым локальные условия обеспечивали прибыль инноватору, который мог прийти откуда угодно. Географическое расширение действует в паре с производственными инновациями, вплоть до настоящего времени и поддерживая существование различий между рынками. Динамичным рынкам всегда присущи эйфория новизны, культурный престиж осознания себя центром происходящего или движения в ногу с этим центром либо же эффект негативного престижа, иными словами, стремление преодолеть отсталость. Либеральной интерпретацией этого механизма на глобальном или межгосударственном уровне является теория модернизации, она же теория развития, согласно которой каждая часть света последовательно проходит указанные выше стадии, пока все экономики гипотетически не станут развитыми хозяйствами «третьего», сервисного сектора. Сейчас, утверждает данная теория, мы видим, как это происходит в Индии и Китае: крупные нации третьего мира неуклонно движутся к современности.

Неомарксистской интерпретацией того же процесса является миросистемная теория. Согласно этой, не столь благодушной версии географического расширения капиталистических рынков, доминирование на мировом рынке обеспечивается военной силой и политическим воздействием, при этом центр-гегемон эксплуатирует трудовые или сырьевые ресурсы периферии при помощи приводных ремней полупериферийных регионов. Миросистемная теория усложняет модель, вводя в нее фактор перемещения центра глобальной гегемонии, происходящего в результате важнейших войн и совпадающего с длинными кондратьевскими волнами относительной экспансии и стагнации мировых рынков. Однако эти циклы последовательно сменяющих друг друга гегемонов – Испании, Голландии, Британии, США, а теперь, предположительно, Китая – логичным образом кончаются, когда периферия истощена, а каждый регион мира полностью вступил в капиталистический рынок. Когда больше нет запасного выхода в виде новых регионов для эксплуатации, капиталистическая прибыль иссякает.

Если оставить в стороне своеобразные достоинства предсказаний миросистемной теории¹, то я хотел бы подчеркнуть, что сегодня глобализация рынков подрывает труд среднего класса. Интернет-технологии позволяют «белым воротничкам» из Индии, да и вообще откуда угодно, конкурировать за рабочие места в области обслуживания компьютеризированных предприятий в центральных (core) капиталистических регионах мира. Если в прошлом работники среднего класса были гораздо более защищены от конкуренции, чем работники ручного труда, то теперь эти времена кончились: Интернет создает широчайший резерв кадров, способных получить доступ к работе, особенно если они могут выполнять ее дистанционно. Разумеется, современная глобализация предполагает и куда более быстрые международные путешествия. Перемещаясь по миру, менеджеры и профессионалы приносят в места предпринимательской активности свой опыт и навыки переговоров, что, в свою очередь, влечет за собой гомогенизацию труда высшего среднего класса в рамках единого рынка вакансий. Последнее повышает перспективы снижения управленческих издержек, поскольку теперь можно замещать даже высококвалифицированный технократический труд. Большая территориальная связность ведет к более острой конкуренции за работу, сокращая заработки среднего класса. Я вновь хотел бы подчеркнуть, что это сравнительно недавний процесс: оказалось, что бум элиты высшего среднего класса последних десятилетий подвержен воздействию со стороны точно такого же структурного вытеснения, которым прежде эксперты вознаграждали своих подчиненных.

В прошлом международная миграция обеспечивала дешевый труд для центров производства, а сравнительно недавно – для низших уровней более продвинутой экономики услуг, тем самым подрывая рабочий класс более богатых наций. Сейчас, когда коммуникационные технологии ведут к более равномерному распространению культурного капитала по всему свету, это подрывает уже труд среднего и высшего классов.

Выход 3. Метарынки в финансовой сфере. Если труд рабочего, а затем и среднего класса подвергается технологическому вытеснению, то нельзя ли компенсировать пропавшие рабочие места тем, что каждый станет капиталистом? Этот аргумент был выдвинут, когда значительную роль на финансовых рынках стали играть пенсионные фонды (employee pension funds). При этом расплодились финансовые компании, которые агрессивно продавали инвестиционные продукты все более широкой публике. В таких странах, как США, где много домовладельцев, рост цен на недвижимость предоставил возможность не только рассматривать ее приобретение в качестве спекулятивной инвестиции, но и позволил извлекать из растущих цен на жилье наличную прибыль (equity) на потребительские расходы. Эти финансовые практики оказались одними из непосредственных причин текущего экономического кризиса, в особенности финансовой катастрофы 2008 г.

¹ Коллинз иронически намекает на то, что адепты миросистемного анализа, прежде всего И. Валлерстайн, не смогли предсказать крах Советского Союза и социалистического лагеря, в то время как сам Коллинз сделал такой прогноз еще в 1980 г.

Я не утверждаю, что нынешний кризис – это начало конца капитализма. Мы, несомненно, вскоре сможем из него выйти, как выходили из других кризисов (определенный ущерб от кризиса в долгосрочной перспективе пока оставим в стороне). Тем не менее недавние финансовые манипуляции являются примером более глубинной, структурной тенденции капитализма: в финансовой сфере громоздятся друг на друге пирамиды метарынков. С тех пор, как капитализм вступил в фазу самообеспечивающего роста, или же движимой изнутри экспансии, рынки материальных товаров и услуг оказались связанными с рынками финансовых инструментов. Шумпетер определил предпринимательский капитализм как предприятие, осуществляемое на заемные средства. Статичные рынки просто воспроизводят уже существующие ассортимент и рабочую силу, пока, наконец, в этом цикле репродукции не возникают новые комбинации – последнее происходит в результате заимствования за счет будущего. Поэтому, с точки зрения Шумпетера, банки являются штаб-квартирами капиталистической системы, решающими, где будут находиться новые точки роста. Однако, поскольку финансы по сути своей являются спекулятивным инструментом, их отношения с налицо существующими, материальными вещами могут варьироваться в аномальной пропорции. То, что действительно продается и покупается, то есть материальные товары и услуги, в заоблачной атмосфере финансовой системы может многократно увеличиваться в стоимости – достаточно всего лишь сравнить размер мирового ВВП и те огромные объемы денег, что вовлечены в международную валютную спекуляцию, либо чрезмерно раздутые суммы в хедж-фондах, особенно до краха 2008 года.

Под нагромождением пирамид метарынков я имею в виду характерную для любого финансового рынка историческую тенденцию порождать рынок более высокого порядка с финансовыми инструментами низшего порядка. В реальных социальных практиках все деньги представляют собой отсроченные платежные обязательства. Поэтому профессионалы в области финансов могут создавать такие обязательства, которые обязуются оплатить другие обязательства и так далее вплоть до любого уровня сложности. Займы, залоги, обычные акции (equities), облигации – все это сравнительно низкие этажи пирамиды. Краткосрочные ценные бумаги без покрытия (short-selling stock market shares), ипотечные пакеты для вторичного рынка закладных (bundling mortgages for secondary resale markets), операции выкупа акций долговым финансированием (leveraged buyouts), взаимные фонды, хедж-фонды и другие сложные трейдинговые схемы представляют собой рынки высшего порядка, которые возвышаются над простыми инструментами обмена. Последний писк – это так называемые биржевые индексные фонды (ETF)², о которых Financial Times от 1 июня 2009 г. сообщает:

² **Exchange-Traded Funds** (дословно “фонды, торгуемые на бирже”), или ETF, представляют собой особую разновидность фондов, паи которых свободно обращаются на биржах, как акции, и их стоимость изменяется в реальном времени. При этом если стоимость обычных акции на бирже определяется только спросом и предложением, то стоимость акций-паев ETF в первую очередь зависит от совокупной стоимости акций, которыми владеет фонд. Часто эти фонды называют индексными, поскольку обычно фонд владеет акциями, входящими в определенный индекс, например старейший из существующих ныне ETF SPDR Trust, образованный в 1993 году, следует за индексом S&P-500, а PowerShares QQQ Trust— за индексом NASDAQ. Существуют также так

«Усиленные (leveraged) и инверсные ETF, сулящие увеличение доходности базового индекса в 2 или 3 раза или доходность в случае обратного движения индекса,... сейчас составляют 40% всего объема биржевой торговли США. Очевидно, однако, что многие из этих инструментов не способны обеспечить ожидаемый доход, если держать их больше, чем очень короткий период – для фондов, основанных на акциях, этот срок обычно не превышает одного дня». Количество новых верхних уровней для деривативов в принципе ничем не ограничено. На более высоких уровнях могут создаваться очень крупные суммы, однако конвертация данных сумм в товары и услуги, находящиеся на более низшем уровне, проблематична. Благодаря тому, что все оценивается в одних и тех же единицах – долларах, фунтах, евро, возникает некая денежная иллюзия, однако эти номинальные суммы могут достигать таких размеров, что обналечить их в реальном, материальном мире фактически невозможно.

Пирамидообразные финансовые рынки обладают высокой степенью социальной сконструированности (constructedness). Разумеется, практически все в этом мире в каком-то смысле является социально сконструированным, но одни вещи связаны с материальным миром значительно более опосредованно, чем другие. Например, для армии характерна высокая степень социальной сконструированности, особенно в сражении, где, по словам Наполеона, моральное относится к материальному как три к одному. Тем не менее, если армия впятеро превосходит размером и вооружением противника, то при условии поддержания некоторой минимальной степени социальных связей она почти всегда одержит победу. Применительно к миру пирамидообразных финансовых инструментов оказывается, что «моральное» (т.е. процессы взаимодействия внутри финансового сообщества и его эмоциональные регистры) соотносится здесь с материальной экономикой в отношении примерно от шести к одному (таково соотношение между выданными банками займами и актуальными банковскими депозитами) до, вполне возможно, сотен и тысяч к одному в случае с финансовыми манипуляциями высокого уровня. Нам как социологам необходимо видеть в социальной сконструированности не философскую константу, но набор вариаций, которые можно осмыслить как в их статическом отношении к сетевым структурам, так и в динамике их взлетов и падений в течение человеческой истории.

Мой главный тезис в данном случае состоит в том, что чем более пирамидообразными становятся финансовые метарынки, тем больше их волатильность и кризисогенность с вытекающими отсюда подъемами и крахами, далекими от связи с происходящим на нижнем, материальном уровне экономики. Однако в то же время в этом есть и оптимистический момент – разумеется, если вы хотите сохранить капитализм. По своей сути финансовые рынки гибки, подобно гигантским воздушным шарам, сделанным из волшебного материала, который может раздуваться до какого угодно размера. Это придает достоверность соображению,

называемые инверсные, или обратные, ETF, цена которых изменяется противоположно индексу, к которому они привязаны, и усиленные (leveraged) ETF, цена которых изменяется в полтора, два и более раза сильнее. См. <http://lxj.endofinternet.net/stocks/page/2/>

что каждый может стать финансовым капиталистом, играя в великую игру финансового рынка. В конце прошлого и в начале нынешнего столетия обычных людей в этой игре и правда стало значительно больше благодаря трудовым пенсионным фондам, миллионам мелких инвесторов на сырьевом рынке и ипотечным спекуляциям по схеме Понци³ на растущем рынке недвижимости.

Как далеко может зайти этот процесс? Может ли он спасти капитализм? Для этого есть как минимум три препятствия. Во-первых, это волатильность, внутренне присущая финансовым рынкам, их склонность к бумагам и крахам. Начиная еще с голландской лихорадки тюльпаномании в 1637 г. и пузыря Южно-океанской компании 1720 г.⁴ эта тенденция представляет собой устойчивую историческую модель. Спекулятивные коллапсы стали настолько обычным делом, что Шумпетер считал бизнес-циклы присущими самой природе капитализма, а их наличие рассматривал в качестве исторического маркера существования капиталистической динамики, которая сама приводит себя в движение. Можно обернуть исторический аргумент вспять: спекулятивные банкротства всегда приводили финансовые рынки к некоей низшей точке, после чего рынки фактически начинали расти снова. Финансовые кризисы заложены в природе капиталистического чудовища, и исторический опыт дает основания предполагать, что любой из них завершится восстановлением. Однако здесь перед нами вновь некое эмпирическое обобщение без хорошей теоретической основы. Что произойдет, если финансовый кризис будет сочетаться со структурным сокращением труда среднего класса, то есть если кризис технологического замещения коснется практически всей рабочей силы? Может ли доход от финансового сектора достичь такого уровня, что займет место жалования или заработной платы в качестве основного источника дохода для каждого?

Здесь возникают две дальнейшие возможности: либо каждый становится капиталистом, живя на доходы от инвестирования, либо же финансовый сектор сам по себе превращается в основную сферу занятости, т.е. происходит рост занятости в финансовой сфере. Что касается первого варианта, то трудно предвидеть такое будущее, где каждый является финансовым инвестором. Для начальных инвестиций требуются некоторые первоначальные фонды, первоначальный капитал - это своего рода заклад для вхождения в игру. Мелкие инвесторы начинают играть на свои заработки, накопления или пенсии, но как раз этим источникам и предстоит иссякнуть при разворачивании сценария технологического замещения. Здесь мы стоим у пределов теории, потому что в будущем политэкономии могут запросто произойти такие вещи, которые и не снились нашим мудрецам, Горацио. Но мыслимо ли то, что в полностью автоматизированном будущем все будут посвящать свою жизнь тому, чтобы стать финансовыми инвесторами, резервной армией игроков в пожизненном казино? Ведь не каждый

³ Чарльз Понци (1882-1949) – создатель одной из самых громких финансовых пирамид в США (1919-1920), обещавшей доходность 150% за 90 дней, для американцев столь же нарицательное имя, как для россиян Мавроди и MMM.

⁴ Подробно об этих спекулятивных кризисах см. Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение. М., Гиперборья, Кучково поле, 2007. С. 263-266.

стремится делать деньги с помощью инвестиций; с другой стороны, некоторые теряют свои инвестиции даже в хорошие времена, а во времена спекулятивных банкротств проигрывают многие. И если однажды их выбросило со спекулятивного рынка, то вернутся ли они когда-нибудь обратно, разве что выгодно устроятся в качестве наемных работников в финансовой сфере?

Более того, финансовые рынки по своей природе неэгалитарны: богатство здесь концентрируется у небольшого числа крупных игроков на вершине пирамиды. Они обладают преимуществами вхождения в лучшие профессиональные сети и инсайдерской позицией, то есть преимуществами «первого хода», и способны справляться с флуктуациями рынка лучше, чем мелкие игроки. Все это дает игрокам метарынков более высокого уровня возможность получать прибыль за счет средних и мелких игроков на рынках более низкого порядка. Пирамиду денежных уровней иллюстрирует теория Вивианы Зелизер, согласно которой деньги не гомогенны, но имеют множественную природу; деньги - это широкий набор специфических валют, циркулирующих в различных социальных сетях. Например, игроки в контуре хедж-фондов – это очень ограниченная группа лиц и организаций, при этом мелким игрокам даже юридически не дозволено войти на эти рынки. Вспомним идиллическую финансовую утопию (хотя теперь это, наверное, уже и нехстати), где в будущем не только ключевые инвесторы станут сверхбогатыми, но и мелкие инвесторы получают свою долю. Будет ли этого достаточно для поддержания потребительских расходов в экономике в целом, а стало быть, и для поддержания хода капиталистической машины? Можно предположить, что система скорее заработает по Марксу, то есть финансовые рынки будут стремиться к еще большей концентрации, оттесняя мелких игроков на дно. Несмотря на то, что непонятно, как доказать это предположение, оно заслуживает самого серьезного рассмотрения.

Следующее препятствие: можно ожидать, что технологическое замещение совершит посягательство на занятость и в финансовом секторе. Как я уже заметил, в оптимистическом для капитализма сценарии финансовый рынок может стать опорой для среднего класса, уменьшающегося при другом раскладе, двумя способами: либо все станут капиталистами, либо каждому будет обеспечена занятость в финансовом секторе. Убедительно ли последнее предположение, что финансовый сектор возместит ущерб, когда весь прочий труд постигнет технологическое замещение? Почему технологическое замещение не должно происходить в пределах самой финансовой сферы? Мы уже видели пример этого процесса на нижнем уровне: онлайн-банкинг устраняет необходимость в банковских кассирах и клерках, а банки сокращают численность персонала, даже несмотря на то, что они теперь располагают бóльшим набором финансовых инструментов. Мантра капиталистических экономистов состоит в том, что неквалифицированный труд вытесняется более опытными профессионалами. Но как далеко может расширяться сам сектор финансовых профессионалов? Временные разогревы системы наподобие бума 1990-х могут легко оказаться являться преходящей фазой, да и в любом случае трудно представить, что в автоматизированном буду-

щем почти все работники станут менеджерами хедж-фондов. Однако заветной мечтой, которую капитализм может предложить будущему, по-прежнему остается мир, где никто не занимается реальным производительным трудом, но все являются финансовыми манипуляторами. Возможно, в будущем мы столкнемся с этой фазой, и если это произойдет, то я утверждаю, что это будет началом окончательного краха капитализма.

Выход 4. Правительство обеспечивает занятость и инвестиции, т.е. решение в духе кейнсианского государства всеобщего благосостояния. Теперь перейдем к путям выхода из кризиса, которые не являются присущими капитализму как таковому, но выступают спасением извне. Полвека назад широко доказывалось, что капитализм был спасен государствами благосостояния 1930-х, 40-х и 50-х, т.е. капитализм спасали левые либералы, в то время как правая идеология доказала свою неспособность спасти саму себя. Могут ли теперь правительственные расходы решить проблему технологического замещения среднего класса?

Основной формой прямого правительственного найма стало административное трудоустройство среднего класса, поэтому любое развитие тенденции к автоматизации и компьютеризации подобных работ сократит в том числе и правительственную занятость. Достаточно решительный политический режим мог бы противостоять этому, отказавшись от автоматизации работ, однако же представляется, что этот своеобразный неолуддизм может вызвать лишь сатирическое порицание (для примера посмотрите фильм 1959 года с Питером Селлерсом «Я в порядке, Джек» о британских тред-юнионах в зените их могущества⁵). Сохранение технологической отсталости в целях защиты занятости, скорее всего, окажется деморализующим и политически безжизненным жестом. Еще одна версия подобной политики, работавшая в прошлом, - это военное кейнсианство, то есть создание рабочих мест в вооруженных силах одновременно со стимулированием экономики при помощи военного производства. Однако современная война стала разновидностью хай-тека, технологии способствуют трансформации армий в более мелкие боевые подразделения, которые координируются компьютерами, спутниками, воздушными сенсорами и устройствами контроля удаленного наблюдения и наведения. Вооруженные силы – это передний край роботизации, и поэтому даже всеобщая мобилизация в духе мировых войн вряд ли когда-нибудь воспроизведет ту же разновидность массовой армии, которая была в XX веке.

Помимо прямого государственного найма, существует также увеличение государственных расходов - приоритетный инструмент нынешних стимулирующих антикризисных пакетов. Большинство государственных инвестиций делается в материальную инфраструктуру – дороги, мосты, аэропорты, энергетику, а наравне с этим - в так называемую информационную магистраль (information highway). Но и эти отрасли подвержены компьютеризации и автоматизации, под-

⁵ Герой фильма английского режиссера Джона Бултинга возвращается с войны в надежде сделать карьеру в крупной компании, однако вскоре обнаруживает, что является всего лишь инструментом в борьбе между менеджментом и профсоюзными лидерами. Фильм считается одной из лучших британских комедий.

держивая тем самым тренд технологического замещения. Еще менее вероятно, что противостоять волне технологического вытеснения труда будут правительственные инвестиции в частный сектор. С особой мантрой об эффективности подобных инвестиций государство берет на себя роль капиталиста или, как минимум, капиталистического инспектора – в любом случае целью этого является сокращение издержек на оплату труда, а стало быть, сокращение занятости.

Еще одним вариантом вмешательства в рынок является регуляция частных рынков, что подразумевает выдачу предпринимателям разрешений на использование неполной рабочей недели и защиту от сокращения рабочих мест. Такие меры широко практиковались континентальными странами, но смогли разве что замедлить движение в сторону технологического замещения. В целом такая политика стремится защитить уже имеющихся работников, но при этом отделаться от молодых. Эту проблему можно решить, если государство целенаправленно будет нанимать на работу много молодых людей – это редко пробовали сделать (за исключением военной версии кейнсианства), хотя ниже (выход 5) я предполагаю, что исподтишка это уже произошло посредством инфляции дипломов о высшем образовании.

В принципе, политическая власть может делать все, что угодно, ограничиваясь лишь политической волей (которая является, так сказать, мобилизованным политическим могуществом) и собственным образом (vision), определяемым соответствующей политической культурой. Очевидно, политическим культурам найдется достаточно применения, если государство собирается делать что-либо существенное с технологическим вытеснением среднего класса. Я не утверждаю, что неоднозначные меры «либеральных» правительств в области поддержки частной экономики не удержат капитализм от нетвердого движения в будущее. Однако этот неоднозначный подход вряд ли разрешит долгосрочную проблему технологического замещения, пока экономикой движет частная прибыль.

Выход 5. Инфляция дипломов о высшем образовании и другие скрытые разновидности кейнсианства. Инфляция дипломов представляет собой увеличение образовательных требований для занятия вакансий, поскольку растет доля людей с более высокими учеными степенями. Чем больше людей обладает некоторым образовательным сертификатом или дипломом, тем ниже падает его ценность. До Второй мировой аттестаты американской средней школы (high school) (т.е. 12-летней общеобразовательной школы) были сравнительно редкой вещью, теперь же они стали фактически всеобщими, поэтому для работодателя их ценность равна нулю. Среди молодежи доля учащихся в университетах уже превысила 60%, и университетский диплом поджидает та же участь, что ранее постигла аттестат средней школы. Подверженные инфляции образовательные степени достойны лишь того, чтобы снова вложить их в образовательный рынок в расчете на диплом еще более высокого ранга. В принципе, это бесконечный процесс, который может легко дойти до того, что было в Китае при поздних династиях, когда студенты-мандарины продолжали сдавать экзамены на четвертом

и пятом десятке, только теперь это коснется широкого большинства населения, а не небольшой элитной группы. Цена за прохождение через образовательную инфляцию для разных стран была разной, однако начиная со второй половины XX века все государства шли именно по этому пути.

Образовательные степени являются чем-то вроде валюты социальной респектабельности, используемой для получения доступа к вакансиям; как и для любой валюты, этой ее разновидности свойственно повышение цен (либо сокращение покупательной способности), когда самостоятельно растущее денежное предложение не поспевает за ограниченным набором товаров, в данном случае - за сокращающимся набором вакансий для среднего класса. Образовательная инфляция основана на самой себе: с точки зрения человека, стремящегося к учебным степеням, лучшей реакцией на их падающую ценность будет получить еще больше образования.

Этот исходный механизм образовательной экспансии поддерживается преобладающей сегодня технократической идеологией. Утверждается, что растущие технические требования к работникам вытесняют неквалифицированный труд, а сегодняшние высококвалифицированные вакансии требуют постоянно растущего уровня образования. Тридцать лет назад в книге «Общество дипломов» (The Credential Society) я собрал доказательства, демонстрирующие, что технологические изменения не являются движущей силой роста образовательных требований к соискателям. Содержание образование не обязательно устанавливается технологическим спросом; большинство технологических навыков – включая наиболее продвинутые – усваиваются непосредственно на рабочем месте либо через неформальные сети, а бюрократическая организация образования в лучшем случае пытается стандартизировать появляющиеся в том или ином месте новые квалификации. В своем новом исследовании проблемы инфляции дипломов в связи с технологическими изменениями, я не обнаружил ничего, что опровергло бы мои выводы, сделанные в 1979 г. Действительно, небольшая доля специальностей все же получает выгоды от научного и технического образования, однако не этот фактор движет столь широким распространением образования: невозможно поверить, что в будущем большинство людей станут учеными или квалифицированными техниками. На самом деле в богатых странах крупнейшей областью роста рабочих мест всегда были неквалифицированные сервисные работы, на которые дешевле нанимать людей, чем эти работы автоматизировать.

Несмотря на то, что рост инфляции дипломов основан на ложных предположениях, идеология, согласно которой большее количество образования обеспечит более равные возможности, больше высокотехнологичных экономических решений и больше хороших рабочих мест, в действительности обеспечивает определенное решение проблемы технологического замещения среднего класса. Это происходит потому, что образование исключает все больше людей из числа актуальных работников; если же студенты получают финансовую субсидию – напрямую или в форме низкопроцентных (и в конечном итоге непогашаемых)

займов, то данная субсидия выступает в качестве скрытых транзитных платежей. Там, где государство благосостояния идеологически непопулярно, мифология образования поддерживает его в скрытом виде. Добавим к этому миллионы учителей в начальной, средней и старшей школе и ее административный персонал, и можно сказать, что в действительности капиталистическую экономику держит на плаву скрытое кейнсианство образовательной инфляции. Существует, конечно, опасность технологизации образования, замещения учителей компьютерами, и если этот процесс пойдет далеко, образование в меньшей степени окажется уходом от технологического замещения. За этим исключением, не является ли продолжающаяся экспансия образования вероятной траекторией для кейнсианского решения проблемы технологического замещения?

Образование – это основная сфера правительственных расходов, что указывает на будущий предел его расширения. Чем выше издержки, тем сильнее движение в сторону приватизации образования, перекладывающей ношу финансирования обучения на студентов или родителей, однако и здесь обнаруживается предел образовательной экспансии, поскольку средний класс экономически сжимается. Расширение образовательной системы, движимое инфляцией дипломов, достигает потенциально кризисной точки в пределах самой образовательной системы. Это не обязательно конец: можно предвидеть ряд последующих циклов остановки и перезагрузки процесса, когда наша извечная вера в спасение через образование сначала пройдет через освобождение от иллюзий, а затем возродится вновь.

Сказанное касается в том числе и нас, университетских преподавателей. Несмотря на то, что образовательная система основана на ложных предпосылках, я не считал публикацию своей критики образовательной инфляции благим делом, поскольку работа большинства моих коллег зависит от этого явления. Закончив свою книгу в 1979 г., я действительно покинул университет и стал заниматься только писательством, однако что скрывать: преподавание – более прибыльная вещь, и вот я вернулся обратно. Ничего не возникает из ничего, и это верно в том числе для социологии. По иронии судьбы, социология вскрывает те ложные основания, которые идеологически защищают ее собственную материальную базу. Стало бы политическое массовое сознание продолжать поддержку образования, если бы не имело утопической веры на его счет? – это мы, возможно, увидим в одно из ближайших десятилетий.

Наконец, подведем итоги. Куда все идет? Как уже было сказано, я изложил не теорию революции, а теорию кризиса. Произойдет ли революция, если кризисы технологического замещения будут развиваться по сравнительно плохому сценарию? – я имею в виду появление высокоавтоматизированного, компьютеризированного мира, где работают очень немногие, а большинство населения либо не работает вовсе, либо борется за место низкооплачиваемой услуги в сфере сервиса.

В этом месте нам нужно оставить в стороне теорию экономического кризиса и расспросить теорию революции, которая начиная с 1970-х гг. сама револю-

ционизировалась. Благодаря сравнительным исследованиям подъемов и крушений государственных режимов Теда Скочпол, Джека Голдстоуна, Чарльза Тилли, Майкла Манна и других была сформулирована так называемая теория революции как распада государства. Ее центральное положение состоит в том, что успешная революция начинается сверху, а не снизу, со стороны недовольных и обнищавших масс. Основные составляющие этого процесса таковы. Во-первых, налоговый кризис государства: государство оказывается неспособным платить по своим счетам, а в конечном итоге, оплачивать свои службы безопасности, армию и полицию. Фискальный кризис государства ведет к летальным последствиям, если он сопровождается вторым компонентом – расколом в элите по поводу того, что делать. К этому можно добавить вторичные факторы, предшествующие основным двум и обычно (хотя и не всегда) включающие причины военного характера. Налоговый кризис государства часто становится следствием чрезмерных военных расходов, а элитный тупик особенно усугубляется военным поражением, которое лишает правительство легитимности и провоцирует призывы к решительным реформам. Раскол элит парализует государство и открывает путь новой коалиции с радикальными целями. Именно в этом вакууме власти – в том, что теоретики социальных движений теперь называют структурой политической возможности, – успешно мобилизуются социальные движения. Нередко они выступают во имя недовольных низов, но в общем случае эти радикальные движения возглавляются группами представителей высшего среднего класса, обладающими наилучшими социальными связями и организационными ресурсами. Как давно уже признал Токвиль, радикализм того или иного движения не соотносится со степенью обнищания масс – на самом деле то, что предопределяет степень радикализма, находится скорее в области идеологической и эмоциональной динамики возникающего конфликта, хотя теоретическое осмысление этого обстоятельства так и осталось незавершенным.

Повторим: вплоть до настоящего момента истории практически все известные революции стали следствием не экономического кризиса капиталистических рынков, а следствием краха правительств; налоговый кризис возникает непосредственно в государственном бюджете и обычно не зависит от экономического кризиса в более широком смысле. Это значит, что и в будущем революции снова могут совершаться посредством этого сравнительно ограниченного механизма распада государства, который включает в себя связанный с конкретным государством налоговый кризис, тупик элиты и следующий за ними паралич аппарата государственного принуждения. Кризисы государств происходят более часто, чем полномасштабные экономические кризисы. Что же произойдет, если поместить вышесказанное в контекст долгосрочной тенденции к технологическому вытеснению рабочей силы? Возможно несколько вариантов. С одной стороны, революции могут произойти в отдельных государствах, причем не обязательно в тех, где технологическое замещение будет наиболее сильным. С другой стороны, происходящие революции могут и не оказать разрешающего воздей-

ствия на эту проблему. Но могут случиться и такие революции, которые действительно примут выраженный антикапиталистический оборот.

Поскольку движение истории определяется множественностью причин, будущее подобно китайской игре в кости (*yahtzee*), где для победы на всех пяти кубиках должны одновременно выпасть шестерки, - так и для реализации определенного варианта будущего необходимо, чтобы на множестве брошенных костей выпали одинаковые цифры. Поэтому в одном из вариантов будущего мы можем получить общую антикапиталистическую революцию при правильном сочетании государственного распада (возможно, вкуче с военным поражением) и вездесущего технологического замещения.

С другой стороны, технологическое замещение может стать столь очевидным и настойчивым, что некая политическая партия сможет через выборы прийти к власти с антикапиталистической программой. Я не знаю, насколько велики шансы, что это произойдет, - возможно, еще меньше, чем то, на всех костях сразу выпадут шестерки.

Будет ли антикапиталистическая революция концом истории? - Конечно же, нет, ибо она не упразднит политику. Даже если это будет социалистическая революция, не похоже, что она покончит с экономическим неравенством. Предыдущий опыт социалистических режимов показывает, что они смогли снизить уровень неравенства примерно наполовину - сравним коэффициенты Джини социалистических и капиталистических обществ и резкий рост неравенства после распада СССР.

Сделает ли антикапиталистическая революция людей счастливыми? Дюркгейм доказывал, что на протяжении человеческой истории уровень счастья всегда примерно один и тот же; новые ситуации лишь создают новые желания и новые уровни для сравнения счастья и несчастья - в любом случае сущностной характеристикой человеческой организации представляется конфликт. Один из уроков, усвоенных из истории социалистических режимов XX века, состоит в том, что им присуща собственная внутренняя борьба, так что не стоит ожидать от них слишком многого. Главное, что у них есть, - это достоинство не быть капиталистическими, возможность избегать капиталистических кризисов.

Я даже не стал бы предсказывать, что антикапиталистические режимы станут постоянным явлением. Вполне возможно, что они сами изменятся - либо путем электоральных сдвигов, либо благодаря будущим революциям 50 или 100 лет спустя. Я не вижу серьезных причин, по которым социалистические режимы должны быть более миролюбивыми, чем капиталистические. Как доказал Макс Вебер, все формы государственной власти стремятся к престижу могущества, если для этого существуют возможности на мировой арене, поэтому путь к революции через военные издержки может повториться - фактически именно этот фактор низверг СССР [Collins 1999]. Далекое от конца истории, будущие столетия вполне могут продемонстрировать серию колебаний между капиталистическими и социалистическими формами, а возможно, и другими, которые пока не предсказаны.

Возвращаясь к наиболее неотвратимому кризису - нашему нынешнему движению в направлении технологического замещения среднего класса, зададимся вопросом: как далеко в будущее простирается этот процесс? Не думаю, что мы увидим полномасштабный кризис раньше, чем через 20 лет, однако нашим потомкам придется удивиться, если он не произойдет ко второй половине XXI века.

Конечно, существует целый ряд других процессов и проблем, которые усложняют будущее: экологический кризис, старение населения, бурный рост медицинских расходов, огромная межконтинентальная миграция, этнические и религиозные конфликты и насилие, кроме того, возможны неизвестные ныне конфликты, связанные с новыми гендерными и сексуальными предпочтениями. Однако объектив должен быть наведен на основную цель: как все это повлияет на кризис технологического замещения? Некоторые из названных факторов усилят кризис. Другие создадут нагрузку на государство, ведущую к его распаду, и тем самым повысят шансы революции - шансы, что сразу на нескольких костях выпадут шестерки. Может ли что-либо из перечисленного обернуть вспять технологическое замещение, повысив занятость среднего класса, создав новые рабочие места, чтобы нивелировать автоматизацию и компьютеризацию? Кое-что, конечно, может, но в какой степени? Пока что я не вижу хорошо обоснованной теории – действительно строгой и хорошо мотивированной теории как таковой, чтобы предположить, что мы сможем избежать кризиса технологического замещения, маячащего где-то впереди в этом столетии.

Я могу ошибаться. Поверьте, я не хочу, чтобы кризис такого масштаба произошел просто для того, чтобы подтвердилась правота Маркса. Все вышеизложенное представляет собой вывод из социологических открытий за то столетие, что социология существует как дисциплина. Я уверен, что технократическая утопия - основная альтернативная научной социологии теория - совершенно неправильна: она происходит из предыстории социологии, из мечтаний Сен-Симона 1820-х годов. Линия, которая идет от Маркса, Вебера, Дюркгейма и Зиммеля, и ее продолжение у Скочпол, Тилли, Манна и многих других дала нам более серьезно обоснованные, более реалистичные пути понимания мира. Ясно, что мы еще многого не поняли. Но у нас уже есть почва, на которой можно стоять; будущим поколениям социологов есть над чем работать, и они будут понимать мир лучше, чем мы.

Перевод с англ. Н. Проценко